

MYSTICISM

A STUDY IN THE NATURE
AND DEVELOPMENT OF MAN'S
SPIRITUAL CONSCIOUSNESS

EVELYN UNDERHILL

МИСТИЦИЗМ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДУХОВНОГО СОЗНАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА

ЭВЕЛИН АНДЕРХИЛЛ

УДК 133
ББК 86.4
А65

Андерхилл Эвелин

А65 Мистицизм: Опыт исследования духовного сознания человека / Перев. с англ. под ред. И. Старых — М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-906791-21-4

Классическая монография по мистицизму, написанная в начале XX века, — серьезное испытание для читателя, собравшегося запечатать и сдать этот век в архив. Неторопливое, обстоятельное изложение; глубокое непривычное содержание, требующее постоянного актуального внимания; обилие цитат, явных и неявных ссылок, перефразировок, аллюзий; наконец, настоятельная необходимость делать свои выводы, формировать собственное отношение к прочитанному — все это может отпугнуть даже выдавшего виды всеядного читателя-интеллектуала века нынешнего...

Между тем для каждого из нас рано или поздно приходит время навести порядок если не в душе, то хотя бы в мировоззрении. Книга Эвелин Андерхилл не только помогает делать первые шаги: она рассказывает нам нашу общую духовную родословную, знание которой дает возможность увидеть также свой путь и наполнить его осознанностью.

УДК 133
ББК 86.4

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-906791-21-4

© ООО Книжное издательство «София», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к двенадцатому изданию	8
Предисловие к первому изданию	12

Часть I

МИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 1. Исходные положения	16
Глава 2. Мистицизм и витализм	36
Глава 3. Мистицизм и психология	53
Глава 4. Характерные черты мистицизма	77
Глава 5. Мистицизм и теология	101
Глава 6. Мистицизм и символизм	128
Глава 7. Мистицизм и магия	151

Часть II

МИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Глава 1. Введение	168
Глава 2. Пробуждение души	176
Глава 3. Очищение души	197
Глава 4. Озарение души	228
Глава 5. Голоса и видения	261
Глава 6. Интроверсия	291
Часть 1: Сосредоточение и покой	291
Глава 7. Интроверсия	320
Часть 2: Созерцание	320
Глава 8. Экстаз и восторг	349
Глава 9. Душа в глухой ночи	370
Глава 10. Жизнь в единении	402
Заключение	433
Приложение	441

IN HONOREM OMNIUM ANIMARUM MYSTICARUM¹

¹ Посвящается всем мистическим душам (лат.).

Есть горний свет, в котором Божество
Является очам того творенья,
Чей мир единый — созерцать Его...

Божественная комедия. Рай, XXX. 100

Когда любовь возносит нас надо всем... мы погружаемся в покой и воспринимаем Непостижимый Свет, окутывающий и пронизывающий нас. Что это за Свет, как не созерцание Бесконечности, не ощущение Вечности? Мы созерцаем себя такими, как есть, и мы такие, какими себя созерцаем, потому что наше бытие, при всей его индивидуальности, соединено с Божественной Истиной.

Рейсбрук

Человек — это точка пересечения различных сфер Реальности.

Рудольф Эйкен

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВЕНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ

За девятнадцать лет, прошедших после первой публикации этой книги, изучение мистицизма — не только в Англии, но и во Франции, Германии и Италии — претерпело большие изменения. Если раньше мистицизм считался как его критиками, так и приверженцами побочной ветвью религии, то сейчас он все более единодушно воспринимается теологами, философами и психологами как представляющий в своей интенсивной форме существенно важный религиозный опыт человека. Труды целого поколения психологов религии, последовавшие за новаторской работой Уильяма Джеймса (и в некоторой мере заслонившие ее), уже немало сделали для того, чтобы отделить сущность мистицизма от психофизических явлений, часто сопровождающих мистическое постижение. Мы теперь меньше наших предшественников склонны считать всякий случай аномального поведения следствием религиозного суеверия или болезни; любой ответственный исследователь отличает мистическое состояние от экстаза и не ищет в переживаниях визионеров или в других «сверхъестественных явлениях» подтверждений или разоблачений свидетельств мистических святых. Даже самые беспощадные исследования и разрушительная критика со стороны психоаналитической школы, как стало видно сегодня, принесли свою пользу: они позволили по-новому увидеть подлинно духовную деятельность души, чисто натуралистически объяснив некоторые не самые лучшие психофизические проявления, сопровождающие эту деятельность. Философская и теологическая среда, с ее растущим интересом к Трансцендентному и новым, непредубежденным отношением к самому понятию Сверхъестественного, становится все более благосклонной и к метафизическим притязаниям мистиков. Не заставившее себя долго ждать признание трудов Рудольфа Отто и Карла Барта, с одной стороны, и пробуждение нового интереса к философии томизма — с другой, похоже, означают растущее признание определенности и независимости Духовного Порядка, возрождение творческого подхода. Все это резко отличается от умонастроений девятнадцатого века.

Если бы я писала эту книгу сейчас, я бы расставила ее аргументы по-другому. Больше акцентов было бы сделано: а) на конкретном, богатом, живом, но всегда неизменном характере Реальности, с которой сталкивается мистик и которая становится первоначалом, причиной, побуждающим мотивом его переживания; б) на парадоксе полного контраста и вместе с тем глубокого взаимопроникновения между Творцом и Его творением, Богом и душой — парадоксе, который делает возможным развитие души; в) на решающей роли в этом развитии свободного и спасительного акта Сверхъестественного — или, говоря языком теологии, «благодати» — в опровержение всех сугубо эволюционных или спонтанных теорий духовной трансценденции.

Я все больше убеждаюсь, что никакое психологическое или эволюционное толкование духовной истории человека не может быть адекватным, если оно

игнорирует элементы «данности» во всяком подлинно мистическом знании. Хотя мистическая жизнь означает органическое развитие, ее первоначало следует искать в онтологии, в Видении Принципа, как учил когда-то св. Георгий Великий. Ибо реальное утверждение этой жизни происходит не в мимолетном опыте и даже не в трансформированной индивидуальности субъекта, но в постигаемом субъектом метафизическом Объекте.

Мне также кажется теперь, что критический реализм, в котором нашлось место дуализму всего нашего человеческого опыта — дуализму Вечного и Преходящего, сверхъестественной и естественной реальности, — мог бы обеспечить лучшую философскую основу для мистического опыта, чем витализм, который вызвался двадцать лет назад предложить столь многообещающий способ избежать научного детерминизма. Детерминизм, от которого все больше отказываются его старые приверженцы-физикалисты, уже не является главным врагом той духовной интерпретации жизни, которой требует мистическое переживание. Натуралистический монизм, поверхностная доктрина имманентности, не сбалансированная никаким пониманием трансцендентности, — вот что сейчас грозит так перестроить теологию, что не останется места для самых чистых и благородных достижений духовной жизни.

И все же, несмотря на поправки, вызванные такими сдвигами в философском мировоззрении, и на двадцать лет дальнейших исследований и размышлений, мое общее видение мистицизма остается по существу неизменным. Двадцать лет назад я уже была убеждена, что факты духовного опыта человека указывают на ограниченный дуализм — схему, в которой есть место для свойственного человеку противоречивого понимания Абсолютного и Случайного, Бытия и Становления, Одновременного и Преходящего; и что эти факты означают существование в нем самой некоторой двойственности — высшей и низшей, природной и трансцендентальной самости — чего-то эквивалентного той искре Функляйна, или вершине души, которую мистики всегда полагали орудием своего специфического переживания. Оба эти мнения были тогда непопулярны. Второе особенно критиковалось профессором Праттом и другими авторитетами в психологии религии. И все же конструктивная работа по метафизическим приложениям мистического опыта, которая с тех пор была проделана, все больше и больше убеждает в их необходимости, по крайней мере как в основе для анализа, и сейчас они могут претендовать на самую недвусмысленную поддержку.

Возрождение понятия Сверхъестественного — слова, которое не смел употребить ни один заслуживающий уважения теолог прошлого поколения, — тесно связано с великим именем Фридриха фон Хюгеля. Его упорная оппозиция всем сугубо монистическим, пантеистическим и имманентным философиям религии, также его настойчивое утверждение необходимости «двухступенчатой диаграммы» Реальности, доступной человеку, сейчас приносят свои плоды, хотя при его жизни на них мало обращали внимания. Это восстановление Трансцендентного, «Совершенно Иного», как *религиозного факта* является, видимо, одной из фундаментальных перемен в философии, прямо повлиявших на изучение мистицизма. Таким образом, мистицизм при-

обрел метафизическую почву, которая согласуется с его самыми великими декларациями и подтверждает его притязания на эмпирическое знание Истины, на которой покоятся все религии. С трансцендентальностью Объекта тесно связаны две доктрины, которые особо выделяет в своей работе фон Хюгель. Во-первых, хотя мистицизм является существенным элементом человеческой религии, он не может полностью составлять содержание этой религии. Он должен быть в какой-то мере воплощен в истории, богословии и институтах, чтобы прийти в осмысленном виде до человеческого сознания. Во-вторых, противопоставление между религиями «авторитета» и «духа», между «церковью» и «мистиком» ошибочно. Каждая сторона нуждается в другой. «Эксклюзивный» мистик, который осуждает все внешние формы и отвергает поддержку религиозного комплекса, является аномалией. Такой мистик неизбежно тяготеет к пантеизму и редко демонстрирует Всеобъемлющую Жизнь во всем ее богатстве. Мистик «инклюзивный» — это мистик, свобода и подлинность которого питается, но не подавляется духовной традицией, в которой он вырос; он признает воплощенность человеческого духа и может «найти внутреннее во внешнем, так же как и внутреннее во внутреннем»; такой мистик демонстрирует нам во всей их полноте и красоте животворящие возможности души, преображенной в Боге.

Второй по важности среди перемен, происшедших в исследованиях мистицизма, я бы считала работу, проделанную за последнее десятилетие в психологии молитвы и созерцания. Я не могу комментировать здесь высокопрофессиональные дискуссии экспертов о том, где должна быть проведена линия раздела между «естественной» и «сверхъестественной», «активной» и «навязанной» деятельностью души в ее общении с Богом, или о четком разграничении между «обыденным» и «не-обыденным» созерцанием. Но тот факт, что такие дискуссии вообще имели место, сам по себе примечателен и требует от религиозной психологии признания подлинной двойственности человеческой природы — разницы между поверхностным «Я», *Animus*, и трансцендентальным «Я», *Anima*, в соприкосновении со сверхъестественной реальностью. Самые серьезные исследования в этой области были проведены во Франции. Особенно следует отметить произведения аббата Бремона «*Priere et Poesie*» и «*Introduction a la Philosophie de la Priere*», свидетельствующие о глубоком знании мистической литературы. Этими работами отмечено, я считаю, начало нового понимания самого характера созерцания. Томистская философия Маритена и психологические исследования Марешаля подтверждают такое развитие взглядов на мистическое переживание, даже в его элементарных формах, как на деятельность трансцендентального «Я» — подлинно сверхъестественную, но не обязательно включающую какие-то аномальные проявления и связанную через все восходящие «уровни молитвы» с «обыденной» религиозной жизнью субъекта. Такое отделение сущности мистицизма от психофизических явлений транса, экстаза, видений и других аномальных проявлений психики, которые его сопровождают, а также его оправдание в качестве того, что дает «Я» подлинное знание трансцендентальной Реальности, — оправдание, сопровождаемое демонстрацией здравомыслия и нормальной психики

самых великих святых созерцателей, — вот последние из благотворных перемен, которые трансформировали наш подход к мистике. В нашей стране они связаны с исследованиями двух ученых-бенедиктинцев — аббата Чепмена из Даунсайда и его преосвященства Катберта Батлера; их работа «Западный мистицизм» является мастерским подтверждением религиозного и психического здоровья, присущего созерцательной жизни наиболее благородных представителей христианства.

С тех пор как была написана эта книга, наши знания о мистике расширились и благодаря появлению критических статей о трудах, известных нам когда-то лишь по их искаженным версиям или по неточным переводам с назидательными комментариями. Так, публикация достоверных откровений Анжелы Фолиньской — одно из наиболее интересных открытий последних лет — раскрыла неожиданное великолепие ее мистических переживаний. Критические работы св. Терезы и Сан Хуана де ла Крусa, теперь доступные читателю, позволяют уточнить предыдущие версии во многих важных отношениях. У нас есть заслуживающие доверия издания Таулера и Рейсбрука, «Облака неведения» и работ Уолтера Хилтона. Возобновление интереса к мистицизму XVII века, в определенной мере благодаря великому труду аббата Бремона, привело к публикации множества документальных текстов, вследствие чего литературные, социальные и исторические связи между мистиками, влияние их окружения, роль, которую сыграли забытые духовные движения и святые молчальники, начинают пониматься лучше. Все эти факты были учтены при подготовке данного издания. Цитаты сверены с самыми достоверными из имеющихся текстов. Увеличенный объем исторического приложения поможет ориентироваться в массе новых материалов, доступных теперь исследователям; эти материалы должны быть изучены с терпеливой любовью к истине, с сочувствием, а превыше всего со смирением теми, кто хочет внести достойный вклад в наше познание тайны общения человеческой души с Богом.

Пасха, 1930

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга состоит из двух частей, каждая из которых цельна сама по себе, хотя до известной степени они дополняют друг друга. В то время как вторая, более объемная часть содержит подробное исследование сущности и развития человеческого духовного и мистического сознания, первая должна представлять собой введение в основы мистицизма. Рассматривая его поочередно с точки зрения метафизики, психологии и символизма, я предпринимаю здесь попытку собрать в одном томе информацию, разбросанную по многим монографиям и учебникам, написанным на разных языках, и дать в компактной форме по крайней мере элементарные понятия о каждом из тех предметов, которые наиболее тесно связаны с изучением мистиков.

Речь идет о тех мистиках, которых, строго говоря, можно изучать только по их трудам — а этих трудов по большей части не читают те, кто сейчас так много говорит о мистицизме. Конечно, обычному читателю это можно простить, потому что шедевры мистической литературы, хотя и полные причудливой красоты, представляют значительную трудность для тех, кто соприкасается с ними, не будучи подготовлен. В первых семи главах этой книги я попыталась устранить некоторые из этих трудностей — обеспечить необходимую подготовку и раскрыть место мистицизма среди других форм жизни. Если, прочитав первую часть, читатели смогут подойти к знакомству с мистической литературой с большей чем до этого степенью сочувственного понимания, то цель данной работы будет достигнута.

Почти каждый читатель, в зависимости от подхода к предмету, найдет здесь много такого, что покажется ему излишним. Но читатели с различным складом ума эти ненужные подробности будут обнаруживать в различных местах книги. Психологам с научным подходом, нацеленным на патологические явления, мало проку от исследований символизма, религиозного сознания и т. п. Символистов, оценивающих предмет с художественной точки зрения, редко интересуют психологические описания. Я же считаю, что тот, кто желает получить полное представление о мистицизме как форме жизни, не может позволить себе пренебречь каким бы то ни было из аспектов, затронутых на страницах этой книги.

Было бы неразумно со стороны метафизика или психолога отказаться рассматривать идеи того или иного мистика сквозь призму его отношения к ортодоксальной теологии. Еще более неразумно, если теолог откажется выслушать свидетельства психолога. Для пользы тех, кто питает чисто литературный интерес к мистицизму и кто хотел бы найти разгадку символических и аллегорических элементов в писаниях созерцателей, упомянуты наиболее употребительные символы. И наконец, живучесть ошибочного воззрения, не отличающего мистицизм от оккультной философии и психических явлений, заставила меня провести существенное разграничение между мистицизмом и всеми формами магии.

Специалисты в любой из упомянутых великих областей знания, вероятно, будут возмущены тем, как упрощенно и поверхностно обращаются здесь с их науками. Но я отнюдь не осмеливаюсь адресовать этот труд специалистам. У тех, кто уже хорошо знаком с предметом, автор просит снисхождения, с которым по-настоящему добрый, взрослый человек относится к усилиям детей. Философам я честно предлагаю пропустить первые две главы, а теологам сделать то же самое с разделами, касающимися их науки.

Чисто историческая информация не является целью автора, разве что хронология имеет какое-то отношение к этой самой пленительной из всех историй — истории человеческого духа. Множество книг по мистицизму были основаны на историческом методе; среди них две такие совершенно разные работы, как высокомерная и слабая книга Воэна «Часы, проведенные с мистиками» и Бэмптонские лекции д-ра Инга. Против этого метода могут быть некоторые возражения, так как известно, что мистицизм имеет дело не с индивидом, каким он предстает по отношению к цивилизации своего времени, но с индивидом в его отношении к истинам вневременным. Все мистики, как сказал Сен-Мартен, говорят на одном языке и происходят из одной страны. Место, которое им случилось занять в царстве этого мира, мало что значит. И все же те, кто не знаком с историей мистицизма и кому имена великих созерцателей ничего не говорят ни о периоде их жизни, ни об их национальности, возможно, будут рады получить краткую информацию о том, когда и где те жили. Желательно также некоторое знание генеалогии мистицизма, если мы хотим выделить оригинальный вклад каждого мистика из массы теорий и положений, которые он унаследовал от прошлого. Тот, кто совершенно не знаком с предметом, может перед чтением главной части книги заглянуть в «Приложение», так как нет ничего более неприятного, чем постоянно сталкиваться с одними и теми же незнакомыми лицами.

Вторая часть книги, подготовкой к которой служат первые семь глав, носит намеренно психологический характер. Это попытка изложить и обосновать определенную теорию природы мистического сознания человека — необходимые ступени органического развития, через которые проходит типичный мистик, состояние равновесия, к которому он стремится. Каждая из этих ступеней, как и характерно мистические и во многом таинственные переживания видений и голосов, созерцания и экстаза, хотя и рассматриваются с точки зрения психологии, но иллюстрируются опытом из жизни мистиков и, по возможности, их собственными словами. Составляя эти главы, я в значительной степени опиралась на блестящую работу М. Делакура «Etudes sur le Mysticisme», хотя я и не могу принять его выводов. И здесь я с радостью пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность ему, а также барону фон Хюгелю за его классическое произведение «Мистический элемент в религии». Эта книга, которая попала в мои руки, когда моя собственная уже была намечена и частично написана, стала для меня постоянным источником вдохновения и поддержки.

И наконец, наверное, следует кое-что сказать о точном значении термина «мистицизм» как он понимается здесь. Одно из наиболее неправильно упо-

требляемых слов в английском языке, оно часто обозначало различные или даже взаимоисключающие понятия в религии, поэзии и философии; его пытались использовать в качестве самооправдания и различного рода оккультизм, и выхолащенный трансцендентализм, и плоский символизм, и религиозный и эстетический сентиментализм, и бездарная метафизика. С другой стороны, этим словом беспрепятственно пользовались как презрительным термином те, кто критиковал эти направления. Хочется надеяться, что рано или поздно понятие «мистицизм» будет восстановлено в его старом значении: наука и искусство духовной жизни.

А пока те, кто употребляют термин «мистицизм», вынуждены в порядке самозащиты объяснять, что они подразумевают под ним. В широком смысле я понимаю его как выражение врожденного стремления человеческого духа к полной гармонии с трансцендентным порядком, независимо от того, какой теологической формулой этот порядок выражается. Это стремление, если верить великим мистикам, постепенно охватывает всю сферу сознания; оно овладевает всей их жизнью и в переживании, называемом «мистический союз», достигает своей цели. Как бы эта цель ни называлась — христианским Богом, Мировой душой пантеизма или философским Абсолютом, — желание достичь ее и продвижение к ней (столь нескорое, поскольку это подлинный жизненный процесс, а не интеллектуальная спекуляция) составляют истинный предмет мистицизма. Я считаю, что это продвижение и есть истинное направление развития самой высокой формы человеческого сознания.

Я считаю приятной обязанностью выразить сердечную благодарность многим моим хорошим друзьям и коллегам-исследователям — при всем разнообразии их позиций, — оказавшим мне помощь и поддержку. Среди тех, кому я особенно обязана, — г-н У. Скотт Палмер, которому я признательна за его ценную, великодушную и усердную помощь, особенно в отношении главы о витализме, а также мисс Маргарет Робинсон, которая, в дополнение ко многим другим добрым услугам, сделала все переводы использованных здесь цитат из Мейстера Экхарта и Мехтильды Магдебургской.

Некоторые разделы книги прочитали преподобный д-р Инг, мисс Мэй Синклер и мисс Элеонор Грегори, от которых я получила много полезных и квалифицированных советов. Особая благодарность от меня и моих читателей г-ну Артуру Саймонсу за его великодушное разрешение воспользоваться его прекрасными переводами стихов Сан Хуана де ла Круса. Я также выражаю свою искреннюю признательность всем, кто так или иначе помогал мне, — мисс Констанс Джонс, мисс Этель Баркер, г-ну Дж. А. Герберту из Британского музея (он первый обратил мое внимание на вновь обнаруженный текст «Зерцала простых душ»), преподобному д-ру Арбатноту Нейрну, г-ну А. Э. Уэйту, г-ну Г. Стюарту Муру. Две главы этой книги — «Характерные черты мистицизма» и «Мистицизм и магия» — уже были опубликованы на страницах «The Quest» и «The Fortnightly Review». Эти главы здесь перепечатаны с великодушного позволения редакторов этих изданий.

Часть I

МИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

То, что мир, поистине не знающий *ничего*, называет «мистицизмом», является наукой о *первопричинах*... наукой о самодостовой Реальности, *рассуждать* о которой невозможно, потому что это объект чистого разума, или восприятия. Ребенок, припавший к груди матери, и Возлюбленный, обретающий после двадцатилетней разлуки кров и пищу у родного очага, — вот персонажи и герои Мистики.

Ковентри Пэтмор. Корень, стебель и цветок